

Несправедливо резкий отзыв Белинского о «Гайдамаках», напечатанный в № 5 «Отечественных записок» 1842 г., мог иметь, как это предполагал еще в 1888 г. в своем письме к А. Н. Пышину И. Франко, и свою положительную сторону, выдвигая перед украинским поэтом задачу окончательно преодоления абстрактного романтизма.

Мысль Ивана Франко о возможном воздействии идей Белинского на молодого Шевченко встретила отклик и получила свою начальную разработку в нескольких статьях советских исследователей¹⁹. Установлено, что в 1840-е годы Шевченко весьма внимательно следил за петербургскими периодическими изданиями и что «Отечественные записки» находились в поле зрения Шевченко начиная с 1839 г.; накоплено значительное количество фактов, подтверждающих близость Шевченко и Белинского как во взгляде на общие задачи литературы, так и в оценках конкретных литературных явлений; так, например, можно считать установленным, что Шевченко были известны взгляды Белинского на значение Гоголя как основоположника реалистической школы в русской литературе. Однако многие важные вопросы, связанные с темой «Белинский и Шевченко», не только не изучены, но даже и не поставлены в литературной науке.

В исследовательской литературе еще не ставился, например, вопрос о возможном знакомстве Шевченко со знаменитым письмом Белинского к Гоголю, хотя правомерность постановки этого вопроса очевидна. Встречаясь в ссылке с петрашевцами А. Н. Плещеевым, А. В. Ханыковым и А. И. Макшеевым, Шевченко должен был через них познакомиться с содержанием знаменитого письма. Одним из главных пунктов обвинения, предъявленного на процессе петрашевцев А. Н. Плещееву, было, как известно, распространение письма Белинского к Гоголю. Называвший Плещеева по-дружески Алексеем, Шевченко, встречаясь и переписываясь с ним в период ссылки, конечно, должен был узнать от него и о содержании процесса петрашевцев и о том, какое место в процессе принадлежало письму Белинского к Гоголю.

Еще по пути из ссылки в Петербург, в Нижнем-Новгороде и Москве, Шевченко с упоением прочитал вторую (1856) и третью (1857) книжки «Полярной звезды» Герцена. Поэт увидел, какое большое значение придавал Белинскому Герцен, поместивший во второй книжке «Полярной звезды» вслед за портретами казненных декабристов портрет Белинского. Интерес Шевченко к вольной печати Герцена был исключительно велик. Поэтому не может быть сомнения в том, что с первой книжкой «Полярной звезды» великий украинский поэт был также знаком. Кстати сказать, в своем «Дневнике», в записи от 16 октября 1857 г., Шевченко не только упоминает, но и дает отзыв о письме Герцена к Александру II, которое было напечатано в первой книжке «Полярной звезды». В отрывках из «Былого и дум», напечатанных в этом номере «Полярной звезды», Герцен дал замечательный портрет великого критика и подчеркнул, что, начиная с петербургской встречи 1840 г. и до смерти Белинского, он шел с ним «рука в руку». Здесь же, в первой книжке «Полярной звезды», впервые было напечатано и знаменитое письмо Белинского к Гоголю, которое, несомненно, было прочитано и изучено великим украинским поэтом.

Не исключена возможность того, что общественно-политические термины «византийский бог» и «византийство», которыми пользуется Шевченко в своих стихотворениях последних лет для обозначения режима самодержавия и крепостничества, берут свое начало не только от Герцена, как

¹⁹ См. И. Я. Айзеншток, Шевченко-читатель, «Литературная учеба», 1938, № 12; Е. П. Кирлюк, Шевченко в борьбе за високу ідейність української літератури, «Радянське літературознавство», 1952, стр. 33—60; І. І. Басє, Белінський українська література 30—40-х рок в ХІХ с., Київ, 1953; Д. В. Чалій, Розвиток гоголівських традицій в творчості Шевченка, в сб. «Російсько-українське літературне єднання», ред. А. І. Белецького і Н. К. Гудзія, Київ, 1953, стр. 166—192.